

ИСТОРИЯ КОЛХОЗА «ЛУНА»

*Исследовательская работа по автобиографичной книге И.Д. Полуянова
«Где рождаются облака», рассказ «Две Луны»*

*КОРОТКАЯ МАРИНА ВЕНИАМИНОВНА,
главный библиотекарь Космарёвского сельского филиала №2
МУК «Нюксенская МЦБС»*

«Разные имена получали колхозы по округе, в нашем Нюксенском и соседних районах. Были «Трактор», даже «Дунай» почему-то, но я не погрешу против истины, что преобладали названия вроде: «Восход», «Звезда», «Солнце социализма». Был и «Прожектор». А у нас колхоз называли «Луна».

Так и записано в протоколе: «Луна».

Или на нашу долю прочих светил, кроме луны, не осталось?

Не знаю, мал я тогда был. И что там ни суди, ни ряди, оказалось у нас две луны: одна — в небе, другая — в деревеньках, как Семейные, Овчища, Шишка, Кресты.

Бывало, на маслозаводе ли, на почте ли в Городищне слышишь:

— Откуда молоко?

— С «Луны»!

Газеты для «Луны» забрали?», — вспоминает в рассказе «Две Луны» Иван Дмитриевич Полуянов.

Колхоз «Луна» относился к Космарёвскому сельскому совету, который был образован в июне 1924 года, в него так же входили колхозы «Братство» и «Красный Север».

Первым председателем колхоза был Чежин Ефим Иванович — умер от ран 2 июня 1944 года. О нем Иван Дмитриевич пишет в рассказе: «Наверное, Ефим Иванович Чежин, первый наш председатель, поведив бровями, откинул назад голову и припечатал по столу ладонью:

— А что? И луна будет советской!

Зная его характер и склад мыслей, без какой-либо натяжки можно допустить: выразился бы Ефим Иванович именно так».

Первым счетоводом колхоза был Рожин Леонтий Васильевич, погиб на войне 16 января 1943 года. Заведующий молочно-товарной фермой — Рожин Василий Григорьевич, он так же участник Великой Отечественной войны.

В состав колхоза входили деревни: Заовчища, Шипкино, Темное; хутора: Александровский Монастырёк, Кресты, Семейные Ложки и Минеевка. Всего 34 хозяйства, с числом жителей 152 человека.

В июне-июле 1959 года произошло укрупнение колхозов. На базе четырёх мелких колхозов, в том числе и «Луны», создан один колхоз — «Гвардеец», с центром в деревне Васильево.

Иван Дмитриевич — участник Великой Отечественной войны, в армию ушёл в ноябре 1943 года по призыву.

Из Космарёвского сельсовета ушёл на войну 701 человек, из них 295 человек погибло, 406 вернулись живыми домой. О колхозе «Луна» знали даже в Германии.

Из воспоминаний Чежина Ивана Сергеевича: «Родился в деревне Кресты колхоза «Луна», где до последнего трудились мои родители. В семье родилось восемь детей, но двое из них умерли в младенчестве. Дети, среди сыновей была всего одна дочка, как могли, помогали родителям. Там, в колхозе «Луна», и началась моя трудовая деятельность, — рассказывает Иван Сергеевич, — оттуда и в армию взяли. Как повестку дали, так и всё. Дело было перед войной. Повезли неизвестно куда, с тех пор дома не был, проводил молодость. В городе Троицк, Челябинской области, прошёл обучение в полковой школе командного состава. Потом нас перевели ближе к Западу, где и застала война. Был у нас миномётный взвод, на три человека одна винтовка, по десять патронов на каждую. В бой бросили, можно сказать, без оружия...». В бою с немцами Иван Чежин был ранен в шею и ногу, даже спустя столько лет об этом напоминают большие шрамы. «Попал в окружение и очнулся уже в фашистском плену. Какой там госпиталь? Поляк помог, выковырял ножничком осколки, на живую, без перевязки. В плену нас за людей не считали, всячески издевались, — с горечью говорит Иван Сергеевич. — Находились мы по ту сторону Кильского канала (это в Германии), попали в настоящее рабство. Там нас американцы и освободили. А как домой уехать? Ещё несколько месяцев держали нас, перевезли в Белоруссию — дорогу строить, и только потом в Россию передали».

В мирное время, пройдя ад фашистского плена, нужно было снова научиться жить, чувствовать себя счастливым. На областных курсах шоферов Иван Сергеевич приобрёл профессию, которой не изменял всю жизнь. «У него золотые руки, — говорит дочь Ивана Сергеевича, Надежда. — У папы в роду все были трудолюбивые, мастеровые. Как рассказывала патина сестра, один немец, уже после войны разыскивал Чежина Ивана из колхоза «Луна», но папа не отозвался...».

Все работы в войну легли на хрупкие женские плечи. Многие труженики тыла награждены медалями «За доблестный труд» в Великой Отечественной войне.

Перед вами список награждённых из колхоза «Луна».

Денисовская Анна Григорьевна	д. Семейные Ложки	П Полевод
Драчёва Елена, Ильинична	д. Заовнище	Колхозница
Рожина Евдокия Андреевна	д. Семейные Ложки	Полевод
Рожина Капиталина Яковлевна	д. Темное	Колхозница
Рожина Лидия Алексеевна	д. Темное	Полевод
Рожина Мария Васильевна	д. Темное	Полевод
Рожина Миропия Григорьевна	д. Темное	Полевод
Рожина Татьяна Александровна	д. Шишкино	Полевод
Рожина Татьяна Васильевна	д. Шишкино	Полевод
Рожина Ульяна Павловна	д. Темное	Полевод
Рожин Иван Ефремович	д. Шишкино	Полевод
Чежина Анна Михайловна	д. Александровский Монастырёк	Полевод
Рожина Наталья Александровна	д. Семейные ложки	Жаровская МТС

Последний *председатель колхоза «Гвардеец» Николай Фёдорович Чури*н записал в своих воспоминаниях: *«В колхозы по заявкам стала поступать техника: трактора, комбайны, косилки. Жизнь стала облегчаться. Но всё же много оставалось ручного труда, молодых ребят учили на трактористов, комбайнёров, шоферов. В колхозах начали строить большие дворы для коров, по 100-200 коров. Стали внедрять механическое доение, водоснабжение — автопоилки. Выполняли все показатели по молоку, мясу, зерну, льнотресты. Провели государственную электрическую линию по всем деревням, кроме Семейных Ложков и Шишки. Построили зерноток. Тут же была подключена зернодробилка кормов на муку. Тёплый гараж для тракторов и автомашин, навес для хранения техники. Пробурено три скважины, строили траншеи для силоса, провели телефон, появился клуб на 120 мест с киноустановкой, медпункт, школа до 4-х классов. Потом ребят возили в Городищну на автобусе. В домах появились телевизоры».*

Сегодня нет и этого колхоза, остались заброшенные деревни. От иных не осталось ничего, только берёзки растут.

А как всё начиналось.

«Начиналась деревня с общинного шалаша-балагана....». Что это такое, узнаём из воспоминаний Чурина Михаила Фёдоровича: «Первым делом, совместно со всеми, построили чёрную избу 6 на 6 метров. Внутри её из глины сбили большую печь. В стене сделали небольшое окно для вытяжки дыма. К верху трубы не было. Топили, чтобы одна печь прогрелась, дым вышел, и тогда в ней жили и спали».

«...мужиков с Киселёва, кому нарезались покосы в урочище Ложок: Лесные, Стёпин и Шашурин Лога, Синец, Шишка и другие».

Из рассказа Чурина М.Ф.: «Кто первый осваивал эти сенокосы, нам неизвестно, даже спрашивал у трёх поколений, никто не знает. Но названия

сенокосов, т.е. мысов, переходит из года в год, из поколения в поколение, до сего времени. У всех родственников на своём участке сенокоса имелась избушка со двором и называлась — чей сенокос. Так: Селивановская, Флеганова, Сидоркова, Гашкова и т.д.

К избушке пристраивался дворец (ударение на о). Это пристройка из сплошных забранных жердями стен. Крытая еловыми корками. Внутри дворца было огнище, на котором готовили пищу, обедали, сушили одежду, хранили продукты и инвентарь.

Во время заготовки кормов, на сенокос большинство ходили пешком. Лошадей жалели, после посевной и возки навоза отпускали их на паству, чтобы они отдохнули и справились для предстоящей осенней работы».

«После революции первым здесь новоселье справил предприимчивый Семён Денисовский. На коньке избы топором высек: «Добрынино», — пишет Иван Дмитриевич в рассказе «Семейные». — «За Денисовским перебрались братья Олекса и Василий Рожины, Митя Кормановский, — бурно росли в нашем краю тогда хутора и починки. Гляди: семь хозяйств, новая, гляди, деревня».

Из воспоминаний Чурина М.Ф.: «Началось строительство домов: лес рубили тут же, сто метров от постройки. Подвозили на конях. Лес для крыши пилили вручную, пилам «маховкам». Один мужик наверху, другой внизу. Дома строили большие — пятистенки с зимовкой. В избах печи были из глины. Для чего собирали родственников и соседей. Так и помогали друг другу. Трудились все, от мала до велика. Кирпичи для кожуха и дымоходов делали дома и покупали.

Дворы строили большие, с расчётом на то, чтобы завозить запас сена, кормов. Делали везд на сарай с возом, и чтобы там могли развернуться лошадь с повозкой».

В первый класс Ваня Полуянов пошёл в Темновскую начальную школу.

Темновская начальная школа открылась сразу после Октябрьской революции. Своим названием она обязана озеру Тёмному, на берегу которого и расположилась маленькая деревушка.

«Первый класс окончил в Темновской школе, — пишет Иван Дмитриевич в автобиографии, — располагавшейся в обычной избе на берегу озера Тёмное. Так сказать, с Тёмного озера знаний свет...».

Нам удалось выяснить — вначале школа размещалась в деревне Гаврилово, в доме Чебыкина Виталия Васильевича. С 1937 года размещалась в доме Рожинной Марии Васильевны д. Темное. Затем школу перевели в деревню Васильево.

В школе обучались дети с 1-го по 4-й классы. В первые годы работы обучалось до 60 учеников. Работало два учителя. В тот период времени работала и вечерняя школа, цель которой — борьба с неграмотностью.

С детства Ваня увлекался рыбалкой. Эта тема часто звучит в его рассказах. Жителей Городищны так и называют — «мулявники». **Вспоминает Чурин М. Ф.:** «Весной, по мере спада воды, в р. Сельменга и после нереста щуки, забивали ёза, ставили морды. Каждый на своём участке реки. Рыбы было много, все ловили, блажи никакой не было. Никто чужой её не осматривает.

Когда вода в реке прогреется, тогда идёт краснопёрка — мелкая рыбёшка — мулявка. Ловили их сакамаи, ставили мелкие мордочки. Засаливали в бредники. Самое любимое занятие было для молодёжи. Брели по реке с палками и заганивали все, что есть, в бредник. Приходя домой в деревню, в одном месте чистили рыбу. Другие, по оговорённой, с кого сколько штук яиц, собирали и жарили селянку. Это было удовольствие, радость и веселие всем. Берега реки и русло счищали от мусора, обрубали кустарник. К зиме забивали каменные ёза, ставили морды на налима, так же каждый на своём участке. А некоторые уходили за 3-4 км. И там забивали еза. Рыбы хватало всем, у всех попадало. Река и вода были чистые, потому что на протяжении всей реки строительства не было. Много выводилось уток.

Осенью, пока река не покрывалась льдом, с острогой. Для этого искали смолевое дерево, срубали его и кололи на мелкие бруски, связывали в пучки, поджигали и шли как с факелом, даже лучше. Светло и тепло. Рыбы порубали много, особенно, когда заносная ночь и на исходе луна. Так же искали смоляные тщи, рубили на щепки. Клали, как бы в железную корзину, и поджигали. По воде бродили до самых заморозков, в лаптях и никто не болел. Народ был закалённым, выносливым».

Один из рассказов Ивана Дмитриевича имеет весьма интересное название «Гумна», непривычное для молодого поколения. **Из рассказа Чурина М. Ф.:** «У каждого хозяина были построены свои гумна с овинами, не далее деревень. Вот у нас на Попове были гумна — Никашино, Якунино, Филькино, Фровково.

Внутри гумна был земляной пол из глины. Где и привозили молотить зерно, когда подсушат на овинах. Молотили ручными молотилками. Снопы настилали на чистый пол и молотили, человек по 6-8, смотря у кого, сколько было работников...

Урожай убирали — жали серпами в снопы, затем ставили в суслоны по 7 штук, одним снопом закрывали сверху, чтобы зерно выстоялось в суслонах, подсохло. Затем увозили в гумник и окладывали в обзороды, затем сушили на овинах и молотили».

«Тряска железных суставов молотилки и всхрапывание потных коней, на которых Виталька Рожин и Галя Денисовская отвозят солому к скирдам». **Из рассказа Чурина М. Ф.:** «Все зерновые выполняли руками, молотили железным молоткам с приводом, который приводили в

движение лошадей. Сидели пацаны на лошади, по кругу. Молотилка была под крышей в гумне. Одни в неё снопы подавали, а солону откидывали другие люди. Тут же в гумне сортировали зерно сортировкам, веялкам. Подсушивали на овинах».

«Род свой поля — всё, что глазом охватишь, — ведут от потаённых лесных полян.

«Поле», «поляна» — не одного ли корня слова?

От липок на поляне до ржи и овсов долгая была песня.

Тюкать да тюкать топору, сеять щену. Падать и падать лесинам, пока-то расширится поляна. С ранней рани до заката тянуть мужику жилы, надрывать — пока-то срубленные деревья сносит и скатает он в валы-костры, выдерет гнилое коренье. Мало ль лесин на подлесковине, а каждая, считай, на горбу побывает. Говорила пословица неспроста: «Жить мужику в лесу, знать лес с весу». Осенью занимались костры на рощистах: дым, треск, коноть.

И выламывать мужику камни, корчевать остатки горелых пней. Чистить пашню.... Пропахнет он чадной гарью, перемажется в головнях и золе — леший лешим!» (рассказ «Дедово поле»).

Из воспоминаний Чурина М. Ф.: «...разрабатывали каждое хозяйство для себя. Землю и сенокосы. Корчевали пни, вырубали кустарник. Большие деревья — у них подрубали корни. Кто помоложе, забирался на дерево, привязывал верёвку — длинную. Остальные мужики и бабы раскачивали дерево и вырывали его с корнями. После чего, разрубали на длинные чурки, метра по три. Складывали в валы и оставляли на год — два, чтобы хорошо всё подсохло. После чего, весной, пока не подсохла сильно земля, жгли эти валы, палками, перетаскивали с места на место, чтобы выгорела трава, листья и корешки. Это называлось — катать навинки.

Затем делали сучковатые бороны из ёлки, оставляя сучья сантиметров 60. Запрягали лошадь в эти бороны и боронили. Сучья оставляли длинные для того, чтобы борона могла пройти и поверх пней, и между ними.

Земля получалась удобренная. Потому, что всё сгорало в валу, и хорошо выборонена. По этой земле сеяли лён. Лён рос высокий, тонкостебельный, чистый. Убирали его вручную небольшими горстями и связывали в снопы. Затем вешали на вешала, чтобы просох, увозили к гумнам в обзороды. После льна пахали деревянными сохами. Напоминающие теперешние плуги, только на конце была железка, чтобы врезалась в землю. Остальное всё было деревянное. Бороны были деревянные, в них, в брусья, вставлены железные зубья. Получалась борона лёгкая, тогда на неё клали груз в виде камня или старого чурбика. После льна сеяли пшеницу, затем ячмень, овёс, а затем давали лето земле отдохнуть. И осенью сеяли озимую рожь под снег».

«До последнего за дедовские хутора, починки цеплялись люди». Сегодня нет этих колхозов, нет деревень. Только д. Хоим имеет 4 дома, пустые. «Где стояло наше подворье, кустится малина вперемешку с крапивой, с колючим чертополохом. Лужок ископчен, взрыт. Кабаны паслись...

Земля, земля...

О ней, земле предков болит душа. На них и я работал, боронил, снопы убирал, и горько мне, что не родят они зерно».

Но Полуянов верит: «Люди вернуться, возродится жизнь — это так, же непреложно, как сегодня закат, как завтра восход».

Использованные источники и литература

1. Автобиография И.Д. Полуянова.
2. Полуянов И.Д. Где рождаются облака: Рассказы. [Для детей. Ил.: И.П. Архипов]. — Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1968. — 128с.: ил.
3. Полуянов И.Д. Люби меня не забывай. — Сполохи. — Архангельск: Северо-Западное книжное изд-во, 1990.
4. Воспоминания Рожина В.В.
5. Воспоминания Чежина И.С.
6. Воспоминания Чурина М.Ф.
7. «История колхоза «Гвардеец». Материалы Нюксенского краеведческого музея.
8. «История Темновской начальной школы». Материалы Нюксенского краеведческого музея.